

Публичное/частное в современной цивилизации

**Материалы XXII российской
научно-практической конференции
(с международным участием)**

16–17 апреля 2020 года

**Екатеринбург
Гуманитарный университет
2020**

УДК 008:304.44
ББК 87.6

II 88 *Рекомендовано к изданию ученым советом
АНО ВО «Гуманитарный университет»*

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р юрид. наук, проф. А. П. Семитко
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р культурологии, доцент А. В. Дроздова
д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
канд. социол. наук, доцент С. А. Рамзина
д-р юрид. наук, проф. З. А. Незнамова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
чл.-корр. РАО, д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перельгина
канд. психол. наук Т. Л. Сморгалова
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
д-р филос. наук, профессор Г. А. Брандт

II 88 Публично/частное в современной цивилизации : материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием), 16–17 апреля 2020 года : доклады / редкол. : Л. А. Закс и др. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. – 824 с.

ISBN 978-5-7741-0382-9

Переход России в радикально новое цивилизационное состояние, революционные изменения в технологиях привели к обновлению и проблематизации содержания, форм и взаимоотношений публичной и частной сфер в России и в мире. Какие институты и акторы формируются в новой публичной сфере, какие мотивы, механизмы и ресурсы требуются для развития социальных гражданских практик, каковы границы публичного и частного в современном «оцифрованном» и медийном обществе? Эти вопросы являются ключевыми для современной цивилизации и определили цель и тематические фокусы конференции. В сборнике анализируются сферы публичной и частной жизни общества и его граждан в их взаимоотношениях, отношениях с социокультурными институтами, ценностями и практиками и роли в существовании и развитии обществ XXI века в условиях информационно-технологической революции.

Рекомендуется ученым и специалистам в области социально-гуманитарных наук, представителям правительственных, общественных и правовых организаций, а также аспирантам, магистрантам и бакалаврам гуманитарных направлений.

ISBN 978-5-7741-0382-9

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2020
© Оформление. Гуманитарный ун-т, 2020

Содержание

Раздел первый	
Трансформация публичной и частной сфер в современной цивилизации	17
<i>Закс Л. А.</i>	
Культура за работой: публичное во второй половине XX–XXI в.	19
<i>Мясникова Л. А.</i>	
Культурно-историческая трансформация публичности, общественного/ индивидуального	41
<i>Фан И. Б.</i>	
Проблема определения границ между частной и публичной сферами в политической философии и реальности	47
<i>Панкевич Н. В.</i>	
Охранительные экспансии: государственное регулирование и институциональная идентичность публичной и частной сфер	52
<i>Насонова Л. И., Лазебный Л. И.</i>	
Экспансия приватности в публичную сферу: эволюция или диффузия?	57
<i>Шкорубская Е. Г.</i>	
Две публичности современной науки: к проблеме диффузии коммуникации	61
<i>Хитрук Е. Б.</i>	
Публичное и частное в контексте философии религии Ричарда Рорти	67
<i>Калистратова Е. А.</i>	
Публичность повседневности	71
<i>Сабурова Л. А.</i>	
«Ничего личного»: феномен «облегченной социальности» в цифровых коммуникациях	75
<i>Оводова С. Н.</i>	
Новая искренность в современном публичном дискурсе: личное и публичное в репрезентации культурных травм	79
<i>Субботина Н. М.</i>	
«Уединенное» как ценность культуры	83
<i>Чеснокова Л. В.</i>	
Право на приватность и тайну как условие личностной автономии	87
<i>Насонова Л. И.</i>	
Деприватизация личности как социально-культурный процесс	92

тей, где роль конституирующего элемента играл отнюдь не индивид, но группа, занимающая твердую, как правило монопольную позицию в производственной структуре, а также обладающая закрепленным правом и традицией социальным статусом, открывающим доступ к определенной доле ресурсов, циркулирующих в сообществе, – привилегией. Подобная композиция общества ведет к тотальному отрицанию возможности существования политического организма в форме охватывающего единства. Именно эту опасность имел в виду А. Гамильтон, когда писал о разрушительной роли фракций [4]. Но также она отрицает и возможность композиции частной сферы как сферы индивидуальной свободы.

Естественной стратегией властного аппарата в сохранении данного институционального определения является игра на стороне индивида и против организованного (привилегированного) меньшинства. В этом случае государственное вмешательство, которое рассматривается в контексте эрозии частной сферы, напротив, служит эффективному ее функционированию. И, следовательно, подобная интервенция может иметь своим последствием не разрушение, но, напротив, сохранение сущностного различия между частной сферой и публичной.

Литература

1. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. – СПб. : Алетейя, 2009.
2. Фуко М. Истина и правовые установления // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – Ч. 2. – М. : Праксис, 2005.
3. Carr E. H. The Twenty Year's Crisis 1919–1939. – London : Macmillan, 1981.
4. Hamilton A. The Union as a Safeguard Against Domestic Faction and Insurrection. – URL: <https://www.congress.gov/resources/display/content/The%20Federalist%20Papers#TheFederalistPapers-9>
5. Lacher H. Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and International Relations of Modernity. – Routledge, 2007.
6. Mann M. Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

Л. И. Насонова*, Л. И. Лазебный**

Экспансия приватности в публичную сферу: эволюция или диффузия?

Основная тема: рассмотрение приватности не как исключительно правовой, но как общесоциальной категории, содержание которой имеет множество аспектов, в том числе соотношение с собственной социальной оппозицией – публичностью. Данное соотношение представляется той сферой, где происходит эволюция приватности в ряде социальных феноменов.

Ключевые слова: эволюция приватности; взаимосвязь и взаимопроникновение приватного и публичного.

Понятия приватности и публичности сформировались в свое время в сфере права; их содержание задавалось постоянно меняющимся в истории соотношением меры активности общества в целом и его институтов, с одной стороны, и меры возможности свободы деятельности отдельного, частного человека в его индивидуальности и в его субъективности – с другой. Исторически феномены приватности и публичности формировали индивидуальное и общественное сознание. Если обратиться к феномену публичности, то можно обнаружить некоторую противоречивость в его понимании. С одной стороны, сфера публичности открыта для интерпретации, содержание ее можно истолковывать как угодно: общество, сферы общества, социальная среда и т. п. С другой стороны, публичность, эксплицированность социальности в целом ряде исторически устойчивых институтов показывает нам публичность как несомненно необходимую, совершенно определенную и ясную открытость и активность социальной жизни в области политики и права, например, служащую фундаментом легитимности.

Однако эволюция общественной жизни меняет не только содержание понятий, но и природу реальных явлений. Феномен публичности, поначалу носивший политико-правовой характер и явно проявлявшийся в различных цивилизациях в адекватных им формах, получает выражение во все более разнообразных, возникающих в

* Людмила Ивановна Насонова, д-р филос. наук, профессор, профессор Московской академии Следственного комитета РФ (г. Москва).

** Леонид Иванович Лазебный, д-р филос. наук, профессор, профессор Российского государственного социального университета (г. Москва).

истории человечества институтах, таких как экономические, управленческие, религиозные, художественно-эстетические, технические. Все они для своего существования требовали открытых активных действий личности, и все они в истории имели тенденцию к расширению и усложнению внутренней структуры.

«Приватность – фундаментальное право человека и находится в одном ряду с правом на жизнь и свободой убеждения» [2, с. 9]. Феномен приватности также имеет тенденцию к изменению и совершенствованию, но иными путями, а именно не путем выстраивания внешних структур, но путем дифференцирования человеческой деятельности и внутренне-духовного мира, совершенствования способности различения частного и публичного, рационального и иррационального, своего (имманентного) и чужого и укрепления способности защищать собственное личное бытие, свою приватность. В сфере ее развития совершенствуется автономия личности, такие ее грани, как внутренняя свобода, интимность, необходимое одиночество, собственное достояние и собственное достоинство. «Приватность самым непосредственным образом связана с идентичностью человека и включает целый комплекс различных элементов. Право на приватность представляет собой не единичное (ординарное) право, а право сложно-составное, включающее комплекс прав, конституционно и международно гарантированных много шире, чем только права на личную и служебную тайны, тайну частной жизни» [1, с. 8]. В истории европейской культуры мы прослеживаем такие тенденции эволюции приватности, как тенденции перехода от религиозного ритуала к религиозному чувству, перехода от соблюдения требований этикета различного уровня и социальной природы – к глубоко личным ощущениям нравственного дома, совести, ответственности, перехода от внешне детерминированной свободы и несвободы к внутреннему и оправданному разумом принятию ограничения личной свободы как волевому акту. В сфере приватности происходит постоянное конструирование личного бытия, свободы выбора и реализации ответственности.

Итак, публичность имеет тенденцию к внешнему усложнению, приватность – к внутреннему. Однако и первая и вторая – лишь характеристики социума, представленного в любой форме человеческой деятельности. Противоположности проникают друг в друга, и со временем, ближе к современности, внешние формы публичности все больше захватывают внутреннее пространство личности, в то время как приватность для своего развития и утверждения требует перехода во внешние формы, т. е. в сферу публичности.

В развитом обществе возникает запрос на оригинальную личность, на публичную приватность, приватность, не боящуюся пуб-

личности, но бросающую ей вызов; время канонов проходит, начинается смена ценностей. Причем очевидно встречное движение. С одной стороны, публичная сфера проявляет агрессивность, завоевывая интересы, потребности, идеалы, носящие приватный характер, и диктует поведенческие паттерны, должностяющие символизировать свободное принятие внешних требований. Тем более что уже сформированной личной ответственности свойственно внимание к проблемам социальной реальности и очень часто в форме игры в сознательное ограничение собственной свободы. Всё это требует постоянного баланса между индивидуальностью и социальностью человека, а поддержание баланса рождает неизбежную трансформацию идентичности личности как ослабление позиций приватности.

Однако приватность предусматривает сочетание личной ответственности с социальной ответственностью. Последняя заключается в следующем: публичная сфера имеет явную тенденцию к «мумифицированию», «омертвлению» собственных форм ради их сохранения. Приватная сфера субъективна, свободна в своей субъективности, т. е. субъектна; это резерв живого, самодетельного публичного пространства. Концепт ответственности распространяется личностью на общество в целом или любую его сферу. Однако любые резервы, даже восполняемые, могут временно иссякать. Современная культура демонстрирует нам примечательное явление: позиционирование личности, т. е. явственное превращение приватного в публичное. В основном это происходит по причине обесценивания приватности. То, что общество не смогло интегрировать в публичные формы, оно игнорирует. Современная культура требует творчества, креативности, самовыражения личности – всё это блеф. Если неявно магистральным путем технического развития является отчуждение человеческих функций и передача их техническим устройствам, значит, происходит неявная, недемонстративная элиминация человека из сферы деятельности по преобразованию объективного мира. Последнее же представляет собой вообще сущность человека.

В то же время этот процесс сталкивается с процессом проникновения приватности в публичную сферу, граница с которой становится все прозрачнее; и это не что иное, как расширение свободы Я, отвержение приватности как самоизоляции и утверждение публичности приватности. В качестве примера можно сравнить изложенную позицию с уже отжившей теорией социальных ролей: приватность в публичной сфере не нуждается в заранее написанной роли, в готовом театральном костюме – она может явиться нагишом или в невообразимом карнавальном костюме. Современная жизнь с ее техническими средствами позволяет и увидеть, и по-

казать себя в любом облике. Можно проследить в этих процессах вытесненный из сферы философского дискурса, но, тем не менее, реально существующий диалектический процесс соотношения в социуме частного и публичного, индивидуального и общественного.

Литература

1. Сербин Д. С. Конституционно гарантированное право на частную жизнь. – М. : ПРИНТПРО, 2016.
2. Смирнов С. Частная жизнь. – М. : Права человека, 2002.

Е. Г. Шкорубская*

Две публичности современной науки: к проблеме диффузии коммуникации¹

В статье рассматривается специфика публичности современной науки. Отмечается, что наука одновременно представлена в двух публичных сферах – внутренней, «эзотеричной публичности» самой науки, являющейся необходимым условием научной коммуникации, и внешней, «широкой публичности», которая становится полем взаимодействия науки и общества. На примере использования текстов научных статей в научно-популярной литературе рассматривается проблема диффузии двух публичных сфер.

Ключевые слова: наука; научная коммуникация; публичная сфера; научная статья; прагматика текста.

Институциональное становление науки, начиная с XVII в., происходило в поле публичной коммуникации. Переход от частной корреспонденции Республики ученых к публичной корреспонденции научных журналов обеспечил ученых возможностью обращения не к одному коллеге, собеседнику, адресату, а ко многим. С одной стороны, это не могло не сказаться на интенсивности научных коммуникаций, что значительно ускорило рост научного знания. С другой стороны, что гораздо важнее, именно публичность представления результатов исследования стала одним из основных механизмов легитимации научного знания. На протяжении всей исследовательской деятельности ученый обязан выносить результаты своих исследований на суд сообщества – начиная с защиты квалификационной работы, а затем публикуя статьи и монографии, делая доклады на конференциях и конгрессах. И при этом сам он выступает судьей, так как научная коммуникация, постулируемой целью которой, в конечном счете, является истина, представляет собой коммуникацию равных в общем деле и равных в праве на участие в дискуссии.

Обсуждение сообществом становится и неотъемлемым условием, и следствием научной публикации как таковой. Социологи

* **Елена Геннадьевна Шкорубская**, соискатель, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 А «Философия как действие: прагматика текстового поведения».